

Понятие благотворительности в культуре русского средневековья

В связи с актуализацией в последние годы в отечественной гуманитарной науке исследований, связанных с историей и практикой благотворительности, необходимо, на наш взгляд, обратиться к рассмотрению проблемы формирования самого этого понятия в русской культуре и культурно-исторических модификаций его смысла. В опубликованной ранее статье мы попытались показать специфику отношения к благотворительности в условиях культурного перехода от Средневековья к Новому времени.¹ В данной же работе, опираясь на более ранние источники, попробуем вскрыть семантику самого понятия «благотворительность» в древнерусской культуре. с. 19

Появление слов с корнями «благо» и «твор» в русском языке связано, вероятно, с глубиной, ещё языческой древностью. Но только с принятием христианства и его системы социокультурных ценностей они приобретают особый сакральный смысл и значение, поскольку используются для перевода текстов Священного Писания и Священного Предания, в которых «благо» означает восстановление райского общения с Богом в будущей вечной жизни.²

И. И. Срезневский связывает лексемы «благотворение», «благотворивъ», «благотворите», «благотворю», «благотворство», «благотворецъ» с русской рукописной традицией XI—XIV вв. — переводами Евангелия, богослужебных книг, сочинений Отцов Церкви и древнерусских проповедников.³ Авторы словаря древнерусского языка XI—XIV вв. дают следующие толкования словам с интересующими нас корнями: «благотворение» — совершение добрых дел, благотворительность; «благотворие» — добрые дела, милостыня; «благотворити» — делать добро, благодетельствовать.⁴ с. 20

Данные слова в указанных значениях встречаются в письменных памятниках XIII—XV вв.: славяно-русских переводах «Хроники Георгия Амартола», «Шестнадцать слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского», «Жития Варлаама и Иоасафа», «Пандектов Никона Черногорца», в «Рязанской кормчей», «Толковой палее», «Прологе», «Пчеле» и некоторых других древнерусских сборниках этого времени. Во всех вышечисленных случаях «благотворение» связано с заботой праведного христианина о душе, с дачей милостыни нищим или подношением даров церкви. Такая традиция отношения к благотворительности была распространена в византийском мире и вместе с христианством усвоена русской культурой домонгольского времени.

Рассмотрим, как эта традиция отразилась в собственно древнерусской литературе.

*Сукина, Л. Б. Понятие благотворительности в культуре русского средневековья / Л. Б. Сукина // Благотворительность в России: Исторические и социально-экономические исследования. 2003/2004. — СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 2004. — С. 19—24.

¹ Сукина, Л. Б. Представления о благотворительности в русской культуре переходного времени (на материале лицевых синодиков XVII — первой половины XVIII вв.) / Л. Б. Сукина // Благотворительность в России. 2002. — СПб., 2003. — С. 49—63.

² Полный православный богословский энциклопедический словарь. — Спб., 1912. — Т. 1. — Стлб. 331—332. (Репринт 1992 года издания П. П. Сойкина.)

³ Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам (Репринт 1893 г.) / И. И. Срезневский. — М., 1989. — Т. 1, ч. 1: А—Д. — С. 107.

⁴ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / Под ред. Р. И. Аванесова. — М., 1988. — Т. 1. — С. 208—209.

Если не брать в расчёт рассеянные по летописным сводам упоминания о княжеской благотворительности в пользу храмов, монастырей и нищих, то литературных произведений классического времени русского средневековья (XII — начало XV в.), где говорится о пользе «благотворения», сохранилось крайне мало. Это не столь многочисленные в тот период памятники учительной литературы.

Среди них выделяется «Притча о человеческой душе» Кирилла Туровского (XII в.). Написанная, по мнению Д. С. Лихачёва, в строгих рамках жанра торжественной проповеди¹ и посвящённая толкованию притчи из Евангелия от Матфея о виноградаре, она содержит рассуждения о смысле человеческой жизни:

Что такое древо жизни? Смиренномудрие, начало которому покаяние... Ствол того корня — благоверие... От того ствола много различных ветвей, много ведь, сказано, видов покаяния: слёзы, пост, чистая молитва, *милостыни* [курсив наш. — Л. С.], смирение, воздыхание и прочее. Тех ветвей добродетельных плод: любовь, послушание, покорение, *нищелюбие* [курсив наш. — Л. С.], — много путей спасения.²

с. 21 Кирилл Туровский — один из авторитетнейших писателей-проповедников Древней Руси, чьи сочинения читались и переписывались на протяжении всего Средневековья наряду с произведениями Иоанна Златоуста и других отцов и учителей Церкви, — относит милостыню к числу видов покаяния, доступных каждому «благоверному» человеку, а нищелюбие считает одним из наиболее простых путей спасения души.

Этот путь не требует от «смиренномудрого» христианина никаких дополнительных усилий, кроме щедрости и чистоты помыслов. Поэтому с пониманием благотворительности тесно связана литературная традиция осуждения скупости. В памятнике древнерусской литературы начала XV в. «Наставление отца к сыну» скупость приравнивается к затмению души, а земное существование скупца к преждевременной смерти:

Жизнь скупых и сребролюбцев подобна поминальной трапезе: все вокруг плачут, и нет веселья... Скупого дом — как облачная ночь, закрывающая звезды и свет от очей многих.³

В покаянных стихах XVI столетия мы также находим строки, содержащие осуждение лиц, в том числе и духовного звания, не заботящихся о бедных и променявших спасение души на блеск мирской славы и достаток. Так, авторы стихов подчёркивают греховность поступков и помыслов монахов: «...красуюсь и кичась богатством больше мирских людей, странников и бедных не милую, но и обижаю».⁴

В памятниках русской литературы до середины XVI в. лишь констатируется, что для спасения души необходима благотворительность в форме милостыни и нищелюбия, но не разъясняется ни почему это нужно, ни как правильно следует «благотворить». Позднее Средневековье с его стремлением истолковать каждую истину благочестия и суть праведных действий такое разъяснение уже предоставляет. Новому подходу способствовало желание светских и церковных властей укрепить «благолепие» православия в рамках Московского государства, чему должен был способствовать Стоглавый собор 1551 г. и другие официальные мероприятия, сопровождавшиеся созданием сочинений законодательного и учительного характера.

В постановлении Стоглавого собора — один из крупнейших законодательных сводов грозненского времени — была включена специальная глава «О милостыне», которая официально вводила благотворительность в число духовных обязанностей любого человека, если он не язычник и не еретик.⁵

¹Лихачёв, Д. С. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» / Д. С. Лихачёв // Памятники литературы Древней Руси. XII век. — М., 1980. — С. 15–16.

²Туровский, К. Притча о человеческой душе / К. Туровский // Памятники литературы Древней Руси. XII век. — М., 1980. — С. 301.

³Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. — М., 1981. — С. 499.

⁴Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. — М., 1986. — С. 561.

⁵Стоглав // Российское законодательство XV–XVI вв. — М., 1985. — Т. 2. — С. 270–271.

Один из крупнейших памятников середины XVI в., с которым связывают традицию регламентации быта и духовной жизни рядовых людей позднего Средневековья, — «Домострой» — также был создан в окружении царя Ивана Грозного. Его автором предположительно называют выдающегося книжника того времени, придворного духовника Сильвестра, причастного также к составлению «Стоглава».¹ В тексте «Домостроя» в числе прочих добродетелей человека, который хочет «быти во всяком христианском законе, и во всякой чистой совести и правде»,² кодифицируется и древняя православная традиция милостничества и толкуется её необходимость.

с. 22

Одна из статей «Домостроя» проводит духовную параллель между нищелюбием и любовью к Богу:

Праведен буди, и истинен, и смирен, очи долу поницая, ум же к небеси простирая, умолен к Богу, и человеком приветлив, печялнаго утеша, терпелив в напастех, и недосадитель, всякому человеку щедр, милостив, нищекормец, странноприимник, скорбен греха ради, весел о Бозе...³

Милостыня как угодное Богу деяние должна совершаться, в соответствии с правилами благочестивого поведения праведного христианина, в первую очередь в храме и других отведённых для этого местах — монастырях, больницах, тюрьмах и дома у благотворителя:

В монастыри, и в больницы, и в пустыни, и в темницы заключённых посещай, и милостыню по силе всяких потребных подавай, елико требуют; и види беду их, и скорбь, и всякую нужду, и елико возможно помогай им, и всякого скорбна, и нища, и бедна, и нужна, не презри, и введи в дом свои, напои и накорми, согрей, одежи со всею любовию и чистою совестью...⁴

Проявление щедрости в необходимых для просящего размерах было обязательным условием благотворения, скупость в этом деле оборачивалась против дающего, демонстрируя скудость его души и недостаток рвения к Богу.

Главная цель благотворительности — освобождение от грехов; другая — способ церковного поминания умерших родителей. Ради достижения этих целей рекомендуется делать подношение в церковь на панихиду и литургию, а также кормить в своём доме нищих и раздавать им милостыню.⁵

Благотворительные дары в церкви и монастыри следует давать от чистого сердца: «без гнева, и без зависти и безо всякие злобы, и во всякой смиренной мудрости, и кротости». Дар должен быть частью праведно нажитого имущества, иначе он не будет приятен Богу и не принесёт пользы душе дателя: «К сильным речено бысть: лучше не грабити, ниже милостыня дати от неправды».⁶ Это утверждение, по наблюдению исследователя «Домостроя» В. В. Колесова, восходит к словам Евангелия от Луки: «Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть: тогда всё будет у вас чисто» (Лук. 11, 41).⁷

Согласно «Домострою», одним из распространённых в средневековой Руси способов благотворительности было угощение нищих во время праздничных пиров. Хлебосольность хозяина имела для него также самые благие последствия: «А нищим тако ж, и в милость и во благодарение, а себе от Бога мзда, а от людей добрая слава».⁸ Поэтому кормить, поить и милостыню давать следовало «елика сила» и не экономить на благодеяниях. Облагодетельствованного или просящего нельзя было осуждать, оскорблять, бесчестить, осмеивать, применять к нему физическое насилие, гнать от стола и со двора, попрекать съеденным куском или поданной милостыней: «А безумному тому государю или государыни и их слугам от Бога грех, а от людей укоризна и вражда, а от убогих клятва и неблагословение».⁹

с. 23

¹ Буланин, Д. М. Сильвестр / Д. М. Буланин, В. В. Колесов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI вв. — Л., 1989. — Т. 2: Л—Я. — С. 323—333.

² Домострой. — М., 1990. — С. 31.

³ Там же. — С. 33.

⁴ Там же. — С. 39.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. — С. 287.

⁸ Там же. — С. 46.

⁹ Там же.

Если хозяин не имел возможности накормить всех просителей, то их следовало тихо проводить со двора, облёкши отказ в самую вежливую форму. В свою очередь человек, которому было отказано в благотворительной помощи или корме, не должен был гневаться и роптать на хозяина дома.

В «Домострое» были сформулированы основные принципы массовой благотворительности средневекового общества, которая осуществлялась в форме милостничества в пользу церковных учреждений или нищих и наиболее обездоленных слоёв населения: вдов, сирот, инвалидов, больных, осуждённых на тюремное заключение. По вполне понятным причинам та идеальная чистота соблюдения правил «творения блага», которой требовал «Домострой», в реальной жизни была недостижима. Многочисленные источники XVI в., и в первую очередь вкладные книги и синодики, дают нам примеры проявления скупости благотворителей; корыстности причин дачи даров (это обстоятельство не всегда даже старались скрыть); попыток поделиться с Богом или «божьими людьми» нечестно нажитым или негодным для собственного употребления имуществом, чтобы и себя не обидеть, и заслужить прощение на небе и на земле, и тому подобных деяний.

В последующее время даже делаются попытки примирения идеала с действительностью: синодики XVII в. содержат многочисленные примеры спасения души грешника при раздаче им или его близкими нечестно полученных богатств церкви и нищим.¹ В этих примерах рвение и щедрость дающего уже явно перевешивают значение чистоты его помыслов и поступков. Милостыня на излёте Средневековья стала достаточно откровенно восприниматься как своего рода «покупка» вечного блаженства на небесах ценой разумных трат или передачи всего имущества церкви и нищей братии, в зависимости от жизненных обстоятельств, желания и возможностей благотворителя.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в эпоху русского Средневековья благотворительность уже существовала как этическое и религиозное понятие. Но мыслилась она только в форме милостыни в пользу церкви или нищих и неимущих. Смысл благотворительности состоял в спасении души дающего и обеспечении ему вечной жизни после смерти. Просветительская благотворительность во всех её разновидностях, включая спонсорство и меценатство, стала возможна только с наступлением Нового времени с его рационалистической мотивацией общественного поведения и этики индивида. Но милостничество не исчезло и не размылось в новой социокультурной среде, сохранив свою роль и значение в качестве православной культурной и духовной традиции широких слоёв населения, в том числе рядовых горожан и крестьянства.

¹Подробнее см.: Сукина, Л. Б. Представления о благотворительности в русской культуре переходного времени (на материале лицевых синодиков XVII — первой половины XVIII вв.) / Л. Б. Сукина // Благотворительность в России. 2002. — СПб., 2003.